

НОВЫЙ ПРАВЯЩИЙ КЛАСС (ПО РОМАНУ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»)

Изучая своеобразие солженицынских образов, В.И. Гребенщиков [9] выдвинул достаточно интересную концепцию, сравнивая солженицынский роман с «Божественной комедией». Проводя ряд параллелей, исследователь не только прослеживает преемственность образов и идей, но и свидетельствует об их непреходящем значении для всего человечества. Характеризуя солженицынские образы сквозь призму дантовского эпоса, Гребенщиков сделал попытку раскрыть потаенный внутренний мир персонажей романа. Тем не менее, исследователь оставил без внимания значительную часть образов, лишь наметив аспекты дальнейшего изучения творчества Солженицына.

Пытаясь осмыслить психологию персонажа, М.М. Голубков приходит к выводу, что Солженицын объективизирует повествование, не высказывая прямо собственную точку зрения, даже если она кардинально отличается от мнения персонажа. «Повествование о персонаже ведется в третьем лице, но сориентировано на его тип сознания и восприятия» [1, с. 55].

Э. Коган, в опубликованной в Париже в 1982 году книге, пытается объяснить психологию персонажей и логику событий, связывая их с русскими традициями [4]. Осознавая специфику советского общественного устройства и порождаемые им особенности поведения, исследователь противопоставляет активную жизненную позицию Солженицына атмосфере всеобщего безразличия «со всеми вытекающими отсюда правилами социального поведения: цинизмом, приспособленчеством, погружением в бытовую семейную раковину, развитием административно-садистских наклонностей» [4, с. 19]. Несомненная научная ценность данного исследования состоит в выявлении психологических особенностей людей, страдающих под гнетом тиранического режима, толкающего их переступить предел, отделяющий человека от людоеда, но не принимающих призывов Солженицына жить по нравственным законам. Писатель мешал таким людям «бросить в святой простоте поленце в костер инквизиции» [4, с. 20]. Подобная жизненная позиция находит свое отражение в произведениях Солженицына. «Писатель мешает жертве почивать в сладостномозахистском ощущении своей невинности и своего бессилия» [4, с. 19].

В связи с тем, что художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства, которое выступает уже как своеобразная двуплановая морально-этическая метафора. Персонажи «макарыгинской гостиной» всецело подчинены стереотипам среды и собственным эгоистическим побуждениям. У них иные представления о

жизни, иная психология и мораль, свое мировоззрение (если это можно назвать мировоззрением), своя система ценностей, в том числе и вещественно осязаемых. От обыкновенных палачей они отличаются, прежде всего, высокой «идейностью». Социалистической идее, как чему-то отвлеченному и абстрактному, отводится второстепенное место. От идеала остается словесная оболочка, идейный антураж, использование социалистической фразеологии необходимо в силу привлекательности этих идей для широкого круга людей. Подобным образом маскируется борьба за власть, не игнорирующая никаких средств, отрицающая какие бы то ни было нравственные соображения, если они не совпадают с интересами партии, или, более того, противоречат им. Это также и снятие с человека ответственности за его нравственность, подчинением норм морали догмам большевистской доктрины. Провозглашается так называемая новая революционная мораль, восходящая к мыслям Раскольникова: «кровь по совести» и «все дозволено», подкрепляемая соответствующими установками. Идеология, считающая себя непогрешимой, выделяет особый класс для воплощения ее постулатов в жизнь. Цель данной статьи состоит в том чтобы рассмотреть персонажей данной группы и выявить особенности их воплощения в романе.

Поддерживает таких людей, как Макарыгин, сознание исторической правоты, которая гарантируется партией-государством, идеологией и вождем. Прокурор и в прямом и в переносном смысле является «палачом». Он приговаривает людей к огромным срокам заключения или к расстрелу, понимая надуманность обвинений и зная, какими методами сотрудники МГБ заставляют арестованных признаваться в совершении самых невероятных преступлений. Для судопроизводства Макарыгину не нужен был Уголовный кодекс и юридические справочники, ему достаточно было нескольких инструкций, известных по номерам. «Инструкции эти, сосредоточившие в себе всю мудрость судопроизводства, подшиты были в одной небольшой папке, хранимой у него на работе» [7, с. 481].

Наступление на человека античеловечного мира может быть отражено только наличием в герое внутренней самобытности, сопротивляемости, основанной на том, что он имеет свой путь и свое нравственное пространство, которое не дает себя подавить. Солженицын вывел героя, не имеющего своего лица, своего дела, индивидуальной внутренней организации и мгновенно адаптировавшегося под структуру окружающего его пространства. «А если что немного не так – значит, государственная политика требует» [7, с. 483]. При подобной двойственности какая бы то ни была деятельность: общественная, политическая, социальная – лишается содержания и смысла, поскольку господствующий цинизм отношений не допускает никакого гражданского общества, никакой социальной жизни. Все институты власти носят бутафорский характер, законы и права иллюзорны.

Подобное восприятие властных структур, исполняющих волю верховного правителя, относит нас к роману Ф.М. Достоевского «Бесы», один из

персонажей которого, губернатор Лембке, говорил: «Видите, надо, чтобы все эти учреждения – земские ли, судебные ли – жили, так сказать, двойственной жизнью, то есть надобно, чтоб они были (я согласен, что это необходимо), ну, а с другой стороны, надо, чтоб их и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдет такой стих, что вдруг учреждения окажутся необходимыми, и они тотчас же у меня явятся налицо. Пройдет необходимость, и их никто у меня не отыщет» [2, с. 298]. Возникает так называемое «двоемыслие», означающее готовность людей в любую минуту изменить свои убеждения, поменять местами правду и ложь ради сохранения собственного благополучия.

Распределение благ осуществляется по принципу иерархии: чем выше должность, тем солиднее получаемые блага. Если принцип распределения благ осуществлялся в порядке социальной привилегии, то принцип получения благ становится для новых господ жизни истинным мировоззрением и единственным идейным убеждением. Сразу после войны, осенью 1945 года, прокурор получил роскошную квартиру в новом доме. «Дом строился полукруглый на Калужскую заставу, с двумя крылами: одно – по Большой Калужской, другое – вдоль окружной. Все делалось в восемь этажей, и еще предполагалась шестнадцатизэтажная башня с солярием на крыше и с фигурой колхозницы в дюжину метров высотой» [7, с. 306]. Подобное всеобъемлющее описание дома обусловлено охватом его с одной общей точки зрения, пространственная позиция которой предполагает широкий кругозор и условно может быть названа точкой зрения «птичьего полета». В образе этого дома, московской новостройки, предназначенной для партийной элиты, дается социальный срез сталинской России. В нем фокусируется социальная несправедливость советского общества. Невозможность добра, эгоизм проистекают от неизбежности для любого человека или группы лиц, возвысившихся над толпой, замыкания в кругу собственных представлений, из-за полной отгороженности от любых объективных – прежде всего этических – ценностей.

Использование воспоминаний способствует не только созданию эффекта достоверности, но и совмещению категорий прошедшего и настоящего времени, сопоставлению воспоминаний героев и жизненных реалий. «– Что же мне – идти завтра просить, чтобы мне платили двести пятьдесят? А как я буду жить? Да меня выгонят как сумасшедшего! Ведь другие-то не откажутся!» [7, с. 485]. «– А как Ильич в гражданскую войну отказывался от сливочного масла? От белого хлеба? *Его* не считали сумасшедшим?» [7, с. 485]. Вера в идеалы первых революционных лет наталкивается на цинизм прокурора. «Тш-ш-ш! И ты поверил? Ленин без сливочного масла не сидел, не беспокойся. В Кремле уже тогда была неплохая столовая» [7, с. 485]. Контраст в воспоминаниях служит не только разоблачению лицемерия большевистской власти, но и опосредованной характеристике людей, на которых она опиралась.

В области психологизма принцип контрастности воплощается в форме контрастного осмысления в сознании героев определенных жизненных

впечатлений. Солженицын подчеркивает главенство в современном ему обществе состояния безверия, нравственной относительности и идейной бесхребетности, которое метафорически-обобщенно воплощает в романе образ Макарыгина, и которое поддерживает и распространяет малые и большие, внутренние и внешние конфликты жизни, вносит дисгармонию и хаос в человеческие отношения.

Сквозь броню идеологии, которой сковал все свои мысли и чувства Макарыгин, пробивается бунт его дочери. Прокурор не может ответить на вопрос дочери: «За что тебе тысячи платят, если ты ничего не создаешь?» [7, с. 484]. «Когда-то все это Макарыгин знал, но до чего же стал дремуч» [7, с. 485]. Подобное сопоставление фраз имеет сатирическую направленность, исходя из контекста человеческого поведения. В плане психологизма оно выступает как деформация личностной и поведенческой сферы действующего лица под влиянием условий, навязываемых ему обстоятельствами. С этим тесно связано резкое несовпадение самооценки персонажа и оценки внешнего наблюдателя. Деграция прокурора, очевидная для Радовича, остается незаметной для самого героя. Использование остранения – достаточно часто встречающийся у Солженицына прием сатирической характеристики персонажа.

Хронотоп гостиной Макарыгина позволяет выявить быт и нравы нового класса. Л.Д. Ржевский отмечает: «Блестящая авторская экспозиция гостей – их групп, передвижений, споров и реплик – невольно вызывает в памяти описание вечера в доме Анны Павловны Шерер, открывающее эпопею Толстого» [6, с. 78]. Салонная традиция восходит к культуре Франции XVII века. Салон был явлением оппозиционным по отношению к насаждавшейся государственной централизации. Замкнутость салонов, их особый статус в общественной жизни вызывал подозрение у властей. Салоны в классических образцах XVII века представляли серьезную опасность для абсолютистского централизма. Будучи тесно связанными с гуманистической традицией Ренессанса, они противопоставляли деспотической реальности мир художественной утопии. В то время как абсолютистским государством культивировался принцип сословной иерархии, салон создавал иллюзорный утопический мир внесословного погружения в игру и поэзию. «Человек таланта, поэт, ученый, артистический выдумщик розыгрышей, мистификаций, шарад, пикников мог, – по утверждению Ю.М. Лотмана, – в салоне блистать, ораторствовать, влюбляться и быть любимым, ласкаемым, делаться предметом обожания и зависти, сняв с себя проклятье низкого происхождения» [5, с. 172]. Известный поэт Вуатюр, сын трактирщика, в салоне чувствовал себя равным прочим сановным завсегдатаям. Как только он приходил в салон, все собирались послушать его. В связи с этим особую сатирическую окраску приобретает вечер у Макарыгиных, на который приглашали, руководствуясь исключительно социальной принадлежностью людей. «Однако перед Словутой стыдно было теперь за этих полулегальных гостей – за этого почти уже и не приятеля, за эту почти уже и не подругу, Словута мог подумать, что у Макарыгиных принимают

рвань» [7, с. 470]. Сатирическому обличению подвергаются люди, озабоченные внешними атрибутами жизни, но не самой жизнью. Маскарад сытых палачей не возвращает, а забивает память о прошлой России, которую хранит тверской дядюшка и письма матери Володина.

Солженицын показывает людей, стоящих во главе советской системы и проводящих в жизнь политику массовых репрессий. Происходя из тех же рабочих и крестьян и имея некоторые заслуги в прошлом (участие в гражданской войне, работа в партийно-комсомольских органах) или не имея таковых, а продвинувшись благодаря ревностной преданности режиму и пролазничеству, ныне стали они властвующей элитой. «Знала же когда-то и Россия, – по мнению А.И. Солженицына, – такие века в своей истории, когда общественным идеалом была не знатность, не богатство, не материальное преуспевание, а – святость образа жизни. Россия тогда была напоена православием, сберегшим верность первоначальной Церкви первых веков. То древнее православие умело сохранять свой народ под двумя-тремя веками чужеземного ига, еще одновременно отражая и несправедливые удары крестоносных мечей с Запада» [8, с. 449].

В изображении служителей режима преобладает гротеск; это определяет выбор черт портретируемого. Если автор идеализирующего портрета выбирает чело, улыбку, глаза – то автор комического – живот, щеки, уши, а также нос. «Лицу Макарыгина большие отставленные уши были как крылья сфинксу» [7, с. 485]. Иронией пронизано описание генерал-майора Словуты. «Не мыслителя было у него лицо, сильное челюстью и жиром, но главное ухватывал он легко» [7, с. 481]. В. Евсюков отметил: «Уровень умственного развития их невысок, потому что все силы уходят у них на разоблачение «происков», доказательства «вины» пойманных и расставление капканов и ловушек для вылавливаемых, а мораль сводится к нехитрому убеждению, что «каждый человек – сволочь» (глядя в собственную душу, как в этом усомниться?)» [3, с. 150]. Черты внешности и способ поведения персонажа, в основе которых лежит устойчивая данность, связаны с его характером, а также со спецификой пространственно-временных отношений, психологии, системы нравственных оценок.

Характерная черта данного хронотопа состоит в том, что персонажи, занимающие достаточно высокое положение в социальной иерархии не могут проявить себя как полноправные участники спора, они повторяют официальные клише, опасаясь не только говорить, но и думать. Диалог между Радовичем и Словутой перемежается словами автора. Нарративное сатирическое разоблачение соседствует с бессознательным саморазоблачением персонажа. На вопрос Радовича о статистике преступлений генерал-майор ответил: «– Статистика говорит, что число преступлений у нас уменьшается» [7, с. 480]. «– А все-таки еще порядочно. Наследие старого режима» [7, с. 480]. В диалог вступает автор, словно отвечая на реплику Словуты. «Три четверти шедших через суды выросли уже после семнадцатого года, но Словуте это не приходило в голову, он нигде этого не читал» [7, с. 480].

В глубине души каждого человека присутствует (хотя и не всегда осознается) требование абсолютной разумности, с которым вступает в безотчетный конфликт ощущение бытийной ущербности и чувство реальной неосуществимости для любой конкретной личности декларируемых утопий. Из поля зрения искателей справедливого общественного устройства ускользали специфические сверхрассудочные особенности человеческого существования, не поддающиеся строгому логическому объяснению. Благородство и чистота помыслов тех, кто взыскует равенства и братства, могут искажаться уже одной только поспешностью в выводах, принятием гипотез за несокрушимые аксиомы, бездумным воплощением гуманистических идей, сопровождающимся огульным отрицанием тысячелетних традиций, исторических ценностей и народных идеалов.

Мир вещей является неотъемлемой гранью словесно-художественной образности, обладая довольно широким диапазоном содержательных функций. Беззаботной жизнью правящего класса живет жена прокурора Макарыгина. В отличие от его первой жены, активно боровшейся за установление советской власти, Алевтина Никаноровна не испытывала никаких душевных мук, а была занята исключительно вопросами улучшения благосостояния семьи. Обладание вещами становится самоцелью героини. Вещей множество, но они становятся стандартными, утрачивают связь со своим создателем и владельцем, практически перестают отличаться друг от друга. Их становится все труднее различать, в то же время их наличие или отсутствие может стать подавляющим. «Не теперешний хрусталь Главпосуды собирала она – перекособоченный, прошедший конвейер равнодушных рук, но хрусталь старинный с искорками своего мастера, с особенностью своего создателя...» [7, с. 469-470]. Вещи, в данном случае, описываются как впечатление от увиденного, что способствует созданию эффекта достоверности и служит опосредованному сравнению жизни до и после революции.

Собранный в данной статье материал, несмотря на вынужденную неполноту, позволяет сделать вывод, что описывая служителей режима, Солженицын использует гротеск, за внешним неправдоподобием которого скрыто художественное обобщение важнейших жизненных явлений. Черты внешности и способ поведения персонажа связаны с его характером, а также со спецификой пространственно-временных отношений, психологии, системы нравственных оценок. Тем не менее, все еще имеет место упрощенно-социологический подход в оценке солженицынских героев, общечеловеческий смысл и психологизм созданных образов не раскрыты с необходимой полнотой, что свидетельствует о перспективности и актуальности исследования данного аспекта романа.

Литература

1. Голубков М. М. Александр Солженицын : В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / М. М. Голубков . – [2-е изд.]. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 111, [1] с.
2. Достоевский Ф. М. Бесы : [роман] / Ф. М. Достоевский. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1991. – 653 с.
3. Евсюков В. Люди бездны / В. Евсюков // Дальний Восток. – 1990. – № 12. – С. 144–151.
4. Коган Э. Соляной столп : Политическая психология А. Солженицына / Э. Коган. – Париж : Поиски, 1982. – 228 с.
5. Лотман Ю. М. О русской литературе : Статьи и исследования (1958 – 1993) : История рус. прозы. Теория лит. / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 1997. – 845 с.
6. Ржевский Л. Д. Творец и подвиг : Очерки по творчеству Александра Солженицына / Л. Д. Ржевский. – Frankfurt a/M. : Посев, 1972. – 165, [2] с.
7. Солженицын А. И. В круге первом : [роман] / А. И. Солженицын. – М. : Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
8. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. / А. И. Солженицын. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. издательство, 1995. – . – Т. 1: Статьи и речи. – 1995. – 720 с.
9. Grebenshikov V. I. The Infernal Circles of Dante and Solzhenitsyn / V. I. Grebenshikov // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. – New York : Assoc. of Russ.–Amer. scholars in the U.S.A, 1972. – V. 6. – P. 7–20.

Анотація

Ступницька Н.М. Новий правлячий клас (за романом О.І. Солжениціна «В колі першому»). – Стаття.

У статті проаналізовано персонажі, які стоять на чолі радянської системи і впроваджують у життя політику масових репресій. Нами відзначено, що у зображенні служителів режиму переважає гротеск, за зовнішньою неправдоподібністю якого приховане художнє узагальнення найважливіших життєвих явищ, що визначає вибір рис того чий портрет замальовується. Якщо автор ідеалізує чого портрету обирає чоло, посмішку, очі – то автор комічного – живіт, щоки, вуха, а також ніс. Використання осторонення також є засобом, що доволі часто зустрічається у Солжениціна при сатиричній характеристиці персонажу.

Ключові слова: персонаж, гротеск, художнє узагальнення, портрет, осторонення, сатирична характеристика.

Аннотация

Ступницкая Н.Н. Новый правящий класс (по роману А.И. Солженицына «В круге первом»). – Статья.

В статье анализируются персонажи, стоящие во главе советской системы и проводящие в жизнь политику массовых репрессий. Нами отмечено, что в изображении служителей режима преобладает гротеск, за внешним неправдоподобием которого скрыто художественное обобщение важнейших жизненных явлений, что определяет выбор черт портретируемого. Если автор идеализирующего портрета выбирает чело, улыбку, глаза – то автор комического – живот, щеки, уши, а также нос. Использование остранения также достаточно часто встречающийся у Солженицына прием сатирической характеристики персонажа.

Ключевые слова: персонаж, гротеск, художественное обобщение, портрет, остранение, сатирическая характеристика.

Summary

Stupnitskaya N.N. The new ruling class (by the novel of A.I. Solzhenitsyn “The First Circle”). – Article.

The images that stand in the head of the soviet system and carry out the police of mass repressions are analyzed in the article. We note that grotesque is dominated in the description of regime servants. Artistic generalization of the most important events of life is covered with external improbability. It identifies the choice of features of portrayal of the image. The author of idealize portrait chooses brow, smile, eyes. The author of comic portrait chooses belly, cheeks, ears and nose. Removal is the method of satirical characteristic of image is used by Solzhenitsyn very often.

Key words: image, grotesque, artistic generalization, portrait, removal, satirical characteristic.